Опера из Латвии – окно в Европу

Стильный рижский импорт украсил московский пейзаж

Андрей Хрипин

Независимая газета, 2003 - 2 июня - с. 8

Гастроли Латвийской национальной оперы порядком освежили застоявшийся воздух московской оперной жизни подлинно европейским дыханием. Рижане привезли две оперы: шлягерно-имперскую «Аиду» Верди и раритетно-гурманскую «Альцину» Генделя. Столь совершенных в культурном и эстетическом отношении спектаклей, какой была рижская «Альцина», мы долго не дождемся у нас в Москве, если Большим театром не будет продолжена «европейская» линия, начатая «Похождениями повесы» и сценической частью «Руслана». Только тогда у нас есть шанс приблизиться если и не к Европе, то хотя бы сначала к оперной Прибалтике. При нашей бедности нам нечем чваниться. Передававшаяся в те же дни телетрансляция с фестиваля «Звезды Белых ночей» марининской «Пиковой дамы» под управлением Гергиева в сравнении с культурным перфекционизмом той же «Альцины» показала прикосновением к чему-то гораздо более провинциальному по духу.

Рижская опера всегда славилась и голосами, и репертуаром, и традициями. Здесь в качестве оперного капельмейстера Немецкого театра отсиживался молодой революционер Вагнер, начавший в Риге своего «Летучего голландца». Премьера именно этой оперы в 1919 году обозначила официальное основание ныне существующего Латвийского оперного театра, единственного в стране. Вагнер здесь шел всегда в изобилии, даже в советское безвременье. Латвия была единственной республикой СССР, где в идеологически выдержанные годы каким-то образом шли «Саломея» и «Питер Граймс», «Турандот» и «Макбет». А какие легендарные голоса были: Жермена Гейне-Вагнер, Мильда Брехман-Штенгель, Эльфрида Пакуль, Карлис Заринь... Не уронили этой планки и последующие поколения.

Новый виток в истории ЛНО начинается после реконструкции (пять лет до 1995 года театр был закрыт). С приходом молодого директора Андрейса Жагарса, известного актера театра и кино, режиссера и управленца самой прогрессивной волны театр на всех парусах устремился к новым берегам, благо рубить пресловутое окно в Европу в изменившихся политических условиях уже было не надо.

цвет. Весь этот гербарий помещен в разросованные движущиеся глыбы и освещается нашим главным «световиком» Глебом Фильштинским. А в финальной сцене просветленного умирания наш взор, у многих влажный, застилают тысячи жуков-скарабеев, размноженных светопроектором.

Мазэстро из дружественной Литвы Гинтарас Ринкявичус не сторонник гипертрофированно-

доложил партию Амонасро маститый Самсон Изюмовс.

Превращение мальчика в мужчину

«Альцина», поставленная остроумной немкой Кристиной Вусс в русле европейской неоклассики, красота сценографии Андриса Фрейбергса, барочный колорит оркестра, ведомого Андрисом Вейсманисом, и, конечно, местная Беверли Силлз – Сонора Ваце (перед каждой дирижер на поклонах даже встал на колени) вызвали дружный возглас восторга в зале. Когда Альцина, брошенная Руджеро, впервые плачет – экспрессия певчицы, ее упомопрательные скачки из регистра в регистр, а также капающие слезы в оркестре были увенчаны бурной овацией. Конечно, не все вышло идеально в стилевом и исполнительском отношении, некоторым голосам не по силам колоратура, кто-то не выдержал интонационной чистоты – латыши еще учатся петь Генделя (а мы так и вовсе не начинали).

Заспанные меломаны помнят эту оперу о коварной ариостовской волшебнице, заманивавшей рыцарей на свой остров, по давним гастролям театр «Эстония», когда сестер Альцину и Моргану пели Маргарита Войтес и Ану Кааль, кто-то видел жевневский спектакль с Арлен Оже на видео. Но, наверное, все согласятся, что в постановочном отношении рижский спектакль лучше их, вместе взятых. Сделан он в стиле старинного жанра оперы-балета (пластика – Агрис Данилевич, барочные танцы – Джейн Джинджел), но при этом ультрасовременно, можно даже сказать, клипово. Один из таких клипов – превращение мальчика Оберто в мужчину, когда пропевший почти весь спектакль вполне квалифицированным контртенором Александр Антоенко вдруг оказывается в последней арии приличным тенором. Рижская «Альцина» настоящее пиршество для глаз и ищущего интеллекта.

Рижская опера всегда славилась и голосами, и репертуаром, и традициями

«Аида» без фикуса

Опера слонов, пирамид и бутафорских триумфов – на корню заезженная «Аида» из тяжеловесного вампучного шоу у рижан превратилась в тонкую, камерно-интимную, но не психологическую, а скорее минималистскую драму в духе Боба Уилсона. Никаких африканских страстей – все элегантно, холодно, сдержанно. Все триумфальное и массовые эпизоды режиссер Мара Кимеле сделала на удивление просто и скромно. И только лишь Амнерис как истая эмпманша-буржуазка позволяет себе резкие экстравагантные выходы и эпилептические телодвижения, а в дуэте-мышеловке с Анной, одетая в тюрбаны и шелка, эротически возлежит в компании «горячих» нордических мячо в набедренных повязках.

В «Аиде» наш глаз по привычке готовится к пальмам, фикусам и беспределу сусальной пестроты, но художник Ильмарс Блумбергс обманывает такие ожидания – и это, наверное, главное впечатление спектакля. Египтяне у Блумбергса красные, пленные эфиопы – темно-зеленые, Радамес – золотистый, Аида – васильково-синяя. Лица у всех тоже выкрашены в разные

го драйва, который так любит «металлисты» Мути или Ливайн – играя Верди, он лепит очень деликатную «Аиду» суперлегкой весовой категории. Ей ощутимо не хватает сочности оркестровых красок и реактивности темпов, зато музыка очень много. Аида поет лирическое сопрано Инесса Галанте, спустившаяся с колоратурно-белькантовых небес на драматический репертуар, – утонченность фразировки, великолепное филирование звука и безупречное владение искусством тихого пения втройне искупали недостаток децибел в голосе. Просто проорать Аиду куда проще и скучней – этого нам и в родном Большом театре хватает, да и в Мариинке. Почти сопрано литовки Инессы Линабургите гарантировало ей беспроblemный штурм всех эверестов партии Амнерис, но лицало ключевой образ оперы, которую Верди первоначально хотел назвать именем дочери фараона, эффектно-го демонизма и колоритных низов. Жесткий тенор сценически скванного корейца Уоррена Мокка не назовешь красивым, но вокальный Радамес сделан у него на уровне, за исключением сильного акцента в итальянском. Добротно, но холодно отстраненно